

Роберт
Уилсон
Линд

Почему
СТОИТ ЧИТАТЬ?

Сборник статей

Роберт Уилсон Линд

Почему стоит читать?

Сборник статей

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30484710

Почему стоит читать?: У Никитских ворот; Москва; 2017

ISBN 978-5-00095-380-8

Аннотация

Линд, Роберт Уилсон (1879–1949) – англо-ирландский журналист, литератор. Родился в Белфасте. В 1901 году переехал в Лондон и некоторое время работал «наемником пера». В 1908 году был принят в штат газеты «Дейли Ньюс», с которой потом сотрудничал до 1947 года. Печатался в журналах «Нэйшн», «Нью Стейтсмен». Автор 30 сборников литературных статей и эссе, среди которых: «Искусство словесности» (1920), «Прелести невежества» (1921), «Избранные эссе» (1923), «Зеленый человек» (1928), «В защиту розового цвета» (1937), «Кое-какие странности жизни» (1941), «Книги и писатели» (1952).

Содержание

I. Из числа Бессмертных	5
Простодушный Шелли	5
Джордж Элиот	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Роберт Уилсон Линд

Почему стоит читать?

© М.П. Тугушева, перевод, составление, 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

І. Из числа Бессмертных

Простодушный Шелли

Иногда хочется, чтобы о Шелли было известно не больше, чем о Шекспире. Понимаю тех, кто желает знать все, что возможно, о жизни великого поэта, считая его личностью столь же интересной, как любой из героев, созданных его воображением. Шелли, однако, и у любящих его возбуждает чувства противоречивые. Как заметил Дж. Э. Саймондс¹: «Те, кто казалось бы должны были объединиться над его могилой, все время ссорились и спорили, что смущает и самого рьяного исследователя». Даже в наши дни затруднительно обсуждать историю жизни Шелли без того, чтобы какой-нибудь пламенный почитатель поэта не обвинил собеседника в непонимании одного из благороднейших представителей человечества, а возникает это затруднение потому, что Шелли существовал в двух ипостасях. Был Шелли-ангел, мечтавший о создании на земле Царствия Небесного, но был также непостижимый и нетерпимый Шелли, когда он убеждался в невозможности воплотить свои мечты в реальность.

¹ Саймондс, Джон Эддингтон (1840–1893) – искусствовед, биограф, автор семитомного исследования «Ренессанс в Италии» (1875–1886), работ о Б. Джонсоне, Ф. Сидни, Шелли, Уитмене, Микеланджело.

Доуден² охарактеризовал его отца, сэра Тимоти Шелли как «человека с заблудившимся умом, мыслящего хорошо, а действующего дурно». Благие намерения сэра Тимоти касались респектабельных классов, а его сын принадлежал к стану революционеров, однако обоих, отца и сына, ожидала одна и та же участь: их лучшие намерения приносили окружающим только несчастье.

Шелли можно было бы назвать прирожденным экспериментатором. Рассказывают, что мальчиком он возымел «страсть к игре с огнем» и однажды поджег одежду на дворецком. А еще родственников тревожили его опыты с химическими реактивами и электричеством. Когда он учился в Оксфорде, его комнаты напоминали неопрятную лабораторию: повсюду пятна от кислот и дыры, прожженные в ковре, почему приятели жили в постоянном страхе, как бы он не погиб при взрыве или не спалил все здание.

На первый взгляд может показаться странным, что самый «эфирный» из поэтов XIX столетия был так склонен к научным интересам. Кстати, Шелли опередил свое время, твердо уверовав в возможность воздухоплавания, но при этом он также верил, что стоит лишь одному воздушному кораблю появиться над Африкой и сам факт будет способствовать освобождению от рабства всех черных невольников. Он был

² Доуден, Эдвард (1843–1913) – ирландский шекспировед, профессор, автор нескольких биографий английских поэтов, в частности, двухтомной «Жизнь Перси Биши Шелли» (1886).

кроме того очень привержен к так называемой парапсихологии и не раз пытался вступить в общение с «душами умерших», для чего однажды всю ночь просидел в склепе Уорэмской церкви, надеясь узреть привидение, хотя такую попытку можно скорее объяснить не его научной любознательностью, но воздействием шестипенсовых «сенсационных романов».

Чтение побудило Шелли к экспериментаторству не только в области науки, но и литературы. Так, еще обучаясь в Итоне, он опубликовал роман «Застроцци», а потом написал второй, «Сент-Ирвин» и очень надеялся на благожелательную прессу, которую решил обеспечить себе с помощью подкупа: «дам обозревателю монету, – пишет он другу, – и думаю, что фунтов десяти будет достаточно».

Однако событие, которое подвергло Шелли самому жестокому, за всю его жизнь, осуждению со стороны общества, когда он бросил свою первую жену, Гарриэт Уэстбрук, может быть воспринято как результат его неудачного эксперимента в области филантропии.

Шелли женился на Гарриэт не по любви, но из желания спасти ее от деспотизма родителей и школьных учительниц. В 19 лет он уже объявил войну всем земным властям после того как его исключили из университета за атеизм и в шестнадцатилетней Гарриэт, не желающей учиться, он усмотрел жертву родительского произвола и несправедливости, подобную ему самому. С наилучшими намерениями он увез Гарриэт в Шотландию и женился на ней, хотя принципиаль-

но отрицал институт брака.

Гарриэт была хорошенькой, веселой, неглупой девушкой и, кто знает, может быть их брак и мог стать вполне счастливым, если бы не ее старшая сестра Элиза, поселившаяся вместе с ними. К сожалению, Шелли проникся к Элизе сильнейшей неприязнью. Ему претило даже естественное желание свояченицы приласкать его малютку-дочь. Вот что пишет Шелли своему другу Хоггу:

«Я действительно всем сердцем и душой ее ненавижу. У меня возникает неудержимое чувство отвращения и ужаса, когда она ласкает мою бедную крошку Ианту. Иногда я почти теряю рассудок, пытаюсь обуздать всеподавляющее чувство безграничной ненависти к этому жалкому ничтожеству, хотя она просто-напросто слепое мерзкое насекомое, не знающее, что жалит одним своим прикосновением».

Здесь раздражительность Шелли берет верх над филантропическими чувствами, как это было и в случае его разрыва дружеских отношений с учительницей Элизабет Хитченер, а брачный эксперимент Шелли в области всеобщей благожелательности убедил его лишь в том, что он обречен существовать под одной крышей с двумя дьяволицами в женском облики. Даже Гарриэт, возможно и потому, что отказалась кормить свое дитя грудью, утратила его благорасположение и теперь казалась всего-навсего «цивилизованным животным», непригодным к тому, чтобы делить его судьбу. Не исключено, конечно, что Шелли расстался бы с Гарриэт

в любом случае, даже несмотря на общество Элизы, которое сделало для него ненавистным домашний очаг, и когда он влюбился в дочь Годвина³ семейному счастью Гарриэт пришел конец. Шелли снова сделал все возможное, чтобы поступить в согласии со своими высочайшими принципами. Да, молодой человек – ему был всего двадцать один год – сбежал с шестнадцатилетней Мери Годвин в континентальную Европу, однако ему было нестерпимо думать, что тем самым он сделал Гарриэт несчастной и Шелли написал ей, пригласив присоединиться к нему и Мери и зажить втроем, так как это лучший способ разрешить неразбериху чувств, в которой они все оказались. Это предложение было так для него характерно! Он редко мог понимать чью-либо точку зрения кроме собственной. Вдобавок, даже покидая Гарриэт, он не видел ничего зазорного ни в том, чтобы занять у нее деньги, ни в своих заверениях насчет предстоящего ей, и, конечно, благополучного, разрешения от бремени (Гарриэт снова ждала ребенка). Ни в одной литературной биографии мы не найдем примера столь поразительно возвышенного эгоизма, проявляемого в столь драматической ситуации, а с тех пор как профессор Хотсон опубликовал найденные им письма Гарриэт, подобный эгоизм кажется особенно впечатляю-

³ Годвин, Уильям (1756–1836) – английский писатель-просветитель и реформатор-утопист. Автор романа «Калеб Вильямс» (1794), а также трактата «Рассуждение о политической справедливости» (1793). Мечтал о создании общества независимых работников, имеющих равные права на производимые ими продукты труда.

щим.

Мистер Оливер Элтон⁴ даже утверждает, что Байрон, тоже эгоист, иногда как будто сожалел об этой черте своего характера, но эгоизм Шелли был всегда «безответственно-ребячским»: ведь только ребенок не может понять, что, ударив товарища по играм, он причинил ему боль. Когда через два года Гарриэт утопилась в Серпентайне, Шелли очень искренно заявлял, что никакой ответственности за это не несет.

И все же факт остается фактом: невозможно, ознакомившись с биографией Шелли, не убедиться в том, что тот был, тем не менее, одним из благороднейших и наименее своекорыстных представителей человечества, хотя нельзя не признать и того, что поэт не был нормальным человеком. Он напоминает героя утопического романа Уильяма Морриса⁵ «Вести ниоткуда». Герой не принимает условий существования в Англии XIX века, но с наивным удивлением узнает, что принципы устройства жизни в идеальной стране Утопия тоже могут сделать человечество несчастным, так как утверждают они в несовершенном современном мире.

Шелли не был ни лицемером, ни обманщиком и все дру-

⁴ *Элтон, Оливер* (1861–1945) – английский ученый-лингвист, критик, профессор Ливерпульского университета, автор шеститомного «Обзора английской литературы» (1912–1928).

⁵ *Моррис, Уильям* (1834–1896) – английский художник, писатель, социалист, выразивший свои политические и социальные взгляды в романе «Вести ниоткуда или Эпоха Счастья» (1891). Был близок к Братству прерафаэлитов, являлся врагом «индустриализма», проповедовал возврат к «кустарному творчеству».

зья дружно засвидетельствовали его искренность и добро-сердечие. Его друг Хогг⁶ в своей книге изобразил Шелли со всеми свойственными ему эксцентрическими привычками, навязчивыми желаниями, иллюзиями и неспособностью вести жизнь обычного человека, но таков был стиль поведения поэта, одаренного свыше. Его жизнеописание, созданное Хоггом, всегда будет интересно хотя бы потому, что содержит знаменитый и всем теперь известный эпизод: Хогг вспоминает, как он впервые увидел Шелли и Мери вместе. Приятели отправились с визитом к Годвину, которого не оказалось дома, и они решили подождать его возвращения.

«Ну где же Годвин?» – то и дело вопрошал меня Шелли, словно я мог об этом знать. Я, конечно, не знал и, откровенно говоря, мне это было безразлично. Шелли нервно расхаживал по комнате. Стоя у книжных полок, я читал имена на корешках почтенных, старых, прославленных томов, когда дверь тихонько отворилась и кто-то пронзительно-звонко позвал: «Шелли!» Послышался столь же пронзительно-звонкий ответ: «Мери!», и Шелли бросился к двери словно стрела, слетевшая с туго натянутой тетивы лука в руках королевского стрелка. Юная женская особа, белокурая, белокожая, а точнее очень бледная, с острым взглядом,

⁶ Хогг, Томас Джефферсон (1792–1862) – приятель Шелли по Оксфорду, был исключен вместе с ним за публикацию памфлета Шелли «Необходимость атеизма» (1811). Автор книги «Жизнь Шелли» (1858), которую другой известный друг поэта, Томас Лав Пикок, в своих «Воспоминаниях о Шелли» критиковал за «неточность наблюдений».

в платье из простой клетчатой ткани, что было необычным одеянием для Лондона в это время года, вызвала Шелли из комнаты. Он отсутствовал очень недолго, всего минуточку-две, и вернулся со словами: «Годвина нет дома и ждать его не имеет смысла».

«Мы снова зашагали по Холборну. – Скажи на милость, кто эта девица? – полюбопытствовал я, – его дочь?

– Да. – Дочь Уильяма Годвина? – Дочь Годвина и Мери»⁷.

Как созвучен этот эпизод всему поэтическому творчеству Шелли! Впрочем, если вдруг покажется, что существует несоответствие между некоторыми фактами жизни поэта и его поэзией, то вину за это противоречие мы должны возложить не на факты, а на биографов. Критики могут утверждать, что поэзия Шелли, как вся его жизнь, была выражением веры в невозможное, а затем использовать фактические события жизни поэта как комментарий к философскому смыслу его творчества, однако достаточно прочитать его «Юганские Холмы» или «Адонаис», или «Эпипсихидион» и мы вознесемся в такие высоты воображения, которые не доступны биографам и не смеют потревожить критики. В конце концов именно в самом Шелли, а не в жизнеописаниях, принадлежащих Хоггу или прочим биографам мы обретаем вечнопрекрасный и правдивый портрет поэта и отобра-

⁷ Уоллстонкрафт, Мери (1759–1797) – английская писательница, публицист, сторонница первого этапа Французской революции (1792), автор знаменитого трактата «Защита прав женщины» (1792).

жение его пылких устремлений, надежд, страданий и любовных привязанностей.

Вспомним, как сурово критиковали Мэтью Арнольда за созданный им образ Шелли-беспомощного ангела, но ведь совершенно ясно, что гениальный автор «Оды к Западному ветру» – не поэт, который бесплодно растратил свой талант, но – провидец, оказавший влияние на многие поколения англичан. . . И все же иногда возникает ощущение некоей правоты и Мэтью Арнольда. В своих суждениях, в своем образе жизни Шелли был самым эксцентричным из всех великих английских поэтов, самым выдающимся еретиком. Происходящего вокруг было вполне достаточно, чтобы он уверовал, будто все это и незаконно, и чудовищно скверно. То, в чем другие поэты усматривали нечто даже полезное или хотя бы безвредное, вроде донкихотовских ветряных мельниц. Шелли видел жестоких тиранов-великанов, почему снова и снова выступал как мятежник: в религии, нравах, политике и даже в диете, а к последней он относился очень серьезно.

Возможно поведение Шелли, связанное с его первым браком, особенно утвердило многих во мнении, что он лишь реформатор-неудачник с ангельской внешностью. Несомненно одно: он умыкнул шестнадцатилетнюю Гарриэт Уэстбрук из самых чистых и высоких побуждений, ведь ему самому было всего девятнадцать, когда он бежал с ней в Шотландию: раз она жертва родительской тирании, ее надо спасать, но какой странной кажется его уверенность в своей правоте! «Ее

отец, – тогда же пишет он Хоггу, – ведет себя с ней самым ужасающим образом, пытаюсь заставить ее снова учиться». И словно рыцарь, вызволяющий пленную принцессу, проявив ангельское благородство, он проходит через брачную церемонию в Эдинбурге вопреки своим глубочайшим убеждениям, так как не верит в благотворную сущность брака.

«Да, – пишет он Хоггу за три месяца до женитьбы, – брак есть нечто ненавистное и противное. Какое-то невыразимое, тошнотворное отвращение охватывает меня, когда я думаю об этих самых деспотических, самых ненужных цепях, которыми предрассудок сковывает нашу жизненную энергию». Гарриэт, однако, считалась с условностями и Шелли тогда самоотверженно уступил ее «предрассудкам».

Странное и необычное восприятие жизни проявилось у Шелли и в истории его отношений с ближайшим другом Хоггом, которого заподозрили в интимных отношениях с Гарриэт вскоре после того как Шелли на ней женился: недаром многие исследователи считают Хогга мерзавцем и лицемером, и он действительно был способен на многое. Его обращение с письмами Шелли, недавно опубликованными в их первоизданном виде, показывает, что Хогг не останавливался и перед тем, что называется подлогом. Делать купюры в уже опубликованных письмах иногда допустимо, если сокращения не искажают смысла, однако Хогг меняет и слова, и мысли, как ему заблагорассудится. Его издатель полагал, что тот поступает так, исходя из интересов Шелли, но, посудите

сами: вот Шелли, сраженный предательством друга⁸ и опасющийся встречи с ним, пишет: «Не преследуй нас. Постарайся вести себя достойно, постарайся быть добродетелен. Верни себе то, от чего ты на время отказался, чтобы впредь никогда, никогда не отказываться снова». А Хогг публикует это следующим образом: «Ты не можешь нас сопровождать? – но почему же – нет? Я постараюсь быть хорошим – быть добродетельным – и обрету вскоре опять то, от чего на время отказался, чтобы уже никогда, никогда впредь от этого не отказываться». От такого подлога даже дух захватывает! В другой раз Шелли пишет Хоггу: «Не думаю, что на тебе нет греха», а Хогг меняет текст следующим образом: «Не думаю, что ты непогрешим». Да, издатель должен был стать абсолютным «хоггером», чтобы прощать такие стилистические уловки.

Тем не менее письма Хогга представляют большой интерес, так как ярче высвечивают не его фигуру, а личность самого Шелли. Перед нами – молодой идеалист-доктринер, попавший в двусмысленную, трудную ситуацию. Исповедуя принцип свободной любви, Шелли, если рассуждать логически, не мог винить Хогга за то, что тот влюбился в Гарриэт, и неслучайно он совершенно откровенно пишет ему: «Надеюсь, я лишен предрассудков... Я мало ценю союзы, подразумевающие сожитительство только с одним человеком. Тебе известно, что я нередко и раньше пренебрежительно выска-

⁸ Возможным адюльтером Хогга с Гарриэт – *прим. перев.*

зывался о подобной монополии... Я ее невысоко ставлю».

И в то же время он должен был принимать во внимание не только свои убеждения, но и счастье Гарриэт, а Хогг сделал ее отчаянно несчастной. И вот что Шелли с предельной откровенностью пишет о возможности жить втроем: «Я думаю сейчас о том, во что люди обычно превращают такие отношения и, *возможно*, я тоже не свободен от этого, а ты определенно имеешь кое-какие сомнения и Гарриэт тоже (в чем и заключается главное затруднение); она придерживается известных предрассудков, неразрывно связанных со всеми фибрами ее души; дело в том, что если бы ты жил вместе с нами, то не избежал бы конечного удовлетворения своей любви к Гарриэт... И ты снова обманывал бы самого себя и воображал, что все это добродетельно».

Насколько естественная ревность влияла на Шелли, когда он писал такие экстатические и несчастные письма – трудно сказать. «Твое преступление – эгоизм», – пишет он Хоггу, и прибавляет – «я допускаю, что ты не видишь разницы между ошибкой и преступлением, а от последнего я тебя искренне оправдываю, но до чего же ужасна твоя ошибка... Отныне ты уже никогда не сможешь думать, что это добродетельно – поступать так, как захочется... Я уже говорил тебе, что ты неискренен? Но я сказал это, потому что действительно так думаю».

А все-таки, несмотря на упреки и возражения, Шелли не мог забыть, как много для него значила дружба Хогга, и она

действительно оказалась самой долгой в его жизни: «Не думай, – пишет Шелли, – что я уже не друг тебе. Нет, теперь я еще более пламенный и преданный твой друг, чем когда-либо прежде, так как несчастье делает для нас еще дороже тех, кого мы любим. Ты есть, ты будешь и впредь моим самым близким другом и наперсником, каким был всегда, за исключением одного момента, но тогда ты сам обманывался».

Существует мнение, что эта удивительная корреспонденция имеет своим источником не поведение Хогга по отношению к Гарриэт, но галлюцинации, часто посещавшие Шелли и что на самом деле коллизия «Хогг – Гарриэт» не имеет серьезной фактической основы. Мне, однако, трудно поверить в справедливость подобного предположения, ведь такой близкий друг как Хогг легко мог рассеять сомнения и заблуждение Шелли, если бы они были порождены только его галлюцинирующим сознанием.

По-моему, Хоггу был свойственен весьма причудливый дар – влюбляться в тех, кого любил Шелли. Молодой идолопоклонник, каким был Хогг, смотрел на женщин глазами друга. Несколько писем Хогга свидетельствуют, что когда Шелли женился на Мери Годвин, Хогг вступил с ней в любовную переписку, а спустя некоторое время заключил брак с Джейн Уильямс, вдовой человека, что утонул вместе с поэтом. Хогг, наверное, и впрямь имел немало достоинств, почему Шелли и любил его до конца своих дней, но был ли Хогг только легкомысленным повесой или кем-то похуже? Мне он

представляется необычным персонажем с несколько странными понятиями о нравственности и, по правде говоря, я не сомневаюсь, что большинство читателей тоже воспринимают его как человека весьма неоднозначного. Однако, что касается самого Шелли, он действительно был чрезвычайно бурно и легко возбудим и аномален. К тому же во многих отношениях он скорее теоретик, чем практик, а некоторые его теории по мнению достаточно умных людей были нездоровы. Тем не менее врожденная доброта Шелли, его стремление к идеальным условиям существования для всех и каждого, как он эти условия представлял, заставляют думать о нем как необычайно благородном человеке по сравнению со многими другими. Недаром Байрон сказал, что Шелли был «самым мягким, самым дружелюбным из мне известных людей, который меньше всего думал о мирских благах, чем кто-либо другой». И еще он добавил: «никогда не видел никого, похожего на Шелли и никогда не увижу».

Щедрость Шелли в денежных делах и готовность помогать почти не знали границ. Легко усмотреть и нечто комическое в некоторых его эксцентричных поступках, но кто смог бы удержаться от смеха, став свидетелем экстравагантного поведения гениального юноши? Чем больше читаешь о нем, тем больше убеждаешься в ангельской сущности его характера. Можно принимать или не принимать во внимание оговорки Мэтью Арнольда, изобразившего Шелли как ангела прекрасного, но беспомощного, «напрасно бьющего в пу-

стыне мира своими лучезарными крылами», но при этом хочется продолжить так: «нет, он творил не напрасно и не всегда безуспешен был на путях жизни», хотя в привлекательном образе, созданном Арнольдом, есть существенная доля правды.

1933

Джордж Элиот

Сегодня, в литературных «бегах» за посмертной славой, Джордж Элиот проигрывает и Джейн Остен, и сестрам Бронте. В конце XIX века она перестала быть любимой писательницей даже у критиков. В своем труде «Английский роман» Сейнтсбери⁹ уделил Элиот меньше места, чем Чарльзу Кингсли¹⁰, видя в ее произведениях только пример эволюции жанра «когда-то легкомысленного и даже фривольного, а теперь требующего иногда самого серьезного подхода».

Было время, когда после смерти Диккенса, Джордж Элиот воспринимали как величайшую фигуру английской литературы, но сегодня никто из критиков не проявляет ни малейшей готовности вернуть ее на прежний пьедестал. Мистер Норман Коллинз в своем лучшем труде «Факты словесности», хотя и утверждает, что героини Джордж Элиот изображены талантливее, чем женские персонажи других писательниц, одной лишь фразой вынес ей уничтожающий приговор:

⁹ *Сейнтсбери, Джордж Эдвард Бэйтмен* (1845–1933) – английский литературовед, профессор риторики в Эдинбургском университете, автор нескольких книг о французской и английской словесности. Его труд «Английский роман» (1913) и сейчас пользуется известностью.

¹⁰ *Кингсли, Чарльз* (1819–1875) – английский писатель, профессор Новой истории в Кембридже (1860–1869), священнослужитель. В т. н. «реформистских» романах «Дрожжи» (1848) и «Алтон Локк» (1851) выступал в защиту «рабочих классов».

«Если вы предпочитаете разговорную манеру проповедницы или учительницы вечерней школы, тогда Джордж Элиот вам понравится» – тем самым выразив отношение большинства читателей к ее творчеству.

Можно было бы предположить, что несмотря на упадок интереса к ее романам, она, по крайней мере, привлечет внимание биографов – ведь сейчас так велика тяга к романтическим жизнеописаниям, а Джордж Элиот была одной из величайших викторианских бунтовщиц, восставшей против ортодоксальной религии. Она бросала вызов и современному ей моральному кодексу, сожительствуя с любимым человеком, а на шестьдесят первом году жизни она вышла замуж, хотя ее избранник был моложе на двадцать один год. Прибавьте к этому, что она стала писательницей лишь в тридцать шесть лет и вывод очевиден: подобная жизнь уже содержит в себе зачатки выдающегося биографического романа. Однако по неведомой причине личность Джордж Элиот, хотя и производила большое впечатление на знакомых, была почти лишена той притягательности, что заставляет биографов во что бы то ни стало поведать о своем кумире, как, например, о Шелли или других знаменитых бунтовщиках. Если бы ее брак с Джорджем Генри Льюисом, а это был, все же, настоящий брак, хотя и не освященный ни церковью, ни зарегистрированный мэрией; если бы, повторяю, этот брак оказался трагически неудачным, Джордж Элиот возбуждала бы гораздо больше симпатий и желания встать на ее за-

щиту, которая часто даруется как посмертная компенсация за неудавшуюся жизнь. Однако Джордж Элиот была исключительно счастлива с Джорджем Генри Льюисом. Более того, она стала одной из самых уважаемых женщин, когда-либо нарушавших общественные условности. Ее можно было бы назвать даже самой «безгрешной» грешницей. Тем не менее, ее жизнь, полная необычных событий, воспринималась как вполне обыденное, на взгляд со стороны, существование. Нельзя, конечно, забывать и о том, что, по сравнению с другими литераторами, она вела внешне ничем не примечательную, уединенную жизнь и еще потому не стала мишенью пересудов и сплетен. Создается впечатление, что современники о ней мало что знали – известность принадлежала ее книгам – а сама она воспринималась лишь как проницательная, но весьма некрасивая литераторша.

Биография Джордж Элиот, принадлежащая перу Джеральда Буллита, пробуждает, однако симпатию к этой благородной и добросердечной женщине, предлагая нам поразмыслить, а не является ли она и в самом деле писательницей великой.

Мериэн Эванс – таково ее настоящее имя, скрытое мужским псевдонимом – была дочерью агента по продаже недвижимости, родом из графства Уорикшир. Считается, что стойкость и, одновременно, мягкость его характера были впоследствии отображены дочерью в образах ее литературных героев Адама Бида и Калеба Гарта. С юности она отли-

чалась серьезностью, даже какой-то солидной важностью в словах и поступках, отчего мистер Буллит высказывается в том духе, что «Природа и обстоятельства жизни заключили между собой негласный договор и сделали ее особой педантической». Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением, если учесть ту пламенную, искреннюю решимость, с которой она отвергала естественные удовольствия жизни, чтобы, например, восемнадцати лет, приехав в Лондон, отказаться от посещения театров и все вечера проводить за чтением «Истории Иудеев» Джозефуса¹¹.

Примерно тогда же, в письме к тетушке, Мериэн сожалеет о том, что ей не свойственно смирение и «христианская простота», но ведь педанты, как правило, не склонны критиковать себя за подобные недостатки.

Через два года, когда она жила у отца в Ковентри, Мериэн Эванс познакомилась с просвещенным семейством Бреев, в доме которых бывали Роберт Оуэн¹², Гарриет Мартино¹³

¹¹ Имеется в виду *Флавий Иосиф* (*Josephus Flavius*) (37–98 н. э.) – древнееврейский историк. Во время войны против Рима перешел на сторону императора Веспасиана. Автор «Истории Иудейской войны».

¹² *Оуэн, Роберт* (1771–1858) – социалист-утопист и филантроп, основал кооперативные сообщества на принципе сотрудничества капиталистов и рабочих, сначала в Нью Ланарке (Шотландия), затем в Америке («Новая Гармония»). Оба просуществовали недолго, но уэнизм оказал большое влияние на развитие социалистических идей и в Англии, и в континентальной Европе.

¹³ *Мартино, Гарриет* (1802–1876) – автор известного труда «Иллюстрации к политической экономии» (1832–1834), разделяла идеи Сен-Симона и Фурье о гармоническом союзе «индустриалов» – буржуазии и рабочих. Автор романа

и Эмерсон¹⁴. Новое интеллектуальное окружение оказало на нее значительное влияние. Она еще более усомнилась в ортодоксальных догматах христианства и отказалась посещать церковь столь же решительно, как раньше отвергала театры. Это привело к отчужденности между нею и отцом, но, все-таки, – и нам это очень по сердцу – она проявила уступчивость и до конца его дней вместе с ним бывала в церкви по воскресеньям.

Ей шел уже тридцатый год, но на ее счету была лишь одна литературная публикация – перевод богопротивной книги Штрауса¹⁵ «Жизнь Иисуса в критическом осмыслении». Дружба с Бреями результатом имела знакомство с Джоном Чэпменом, свободомыслящим (и в области любовных отношений тоже) издателем журнала «Вестминстер Ревью». Чэпмен пригласил Мериэн на должность помощника. В своем новом кругу она познакомилась с Гербертом Спенсером, ко-

«Дирбрук» (1839). Сторонница женского равноправия.

¹⁴ *Эмерсон, Ральф Уолдо* (1803–1882) – американский философ-идеалист, публицист, поэт. Основатель философско-мистической теории «трансцендентализма» (трактат «Природа»), автор сборников эссе, в том числе знаменитого трактата «Доверие к себе» (1841). Дважды посещал Англию – в 1833 и 1847 гг., где впоследствии огромной популярностью пользовались его очерки «Представители человечества» (1850) и «Английский характер» (1856).

¹⁵ *Штраус, Давид Фридрих* (1808–1874) – немецкий ученый, профессор теологии. В 1833 отказался от университетской должности в связи с критическим отношением к Библии и евангелическим текстам, освещавшим жизнь и деяния Христа. Переведя книгу Штрауса, Джордж Элиот на практике подтвердила свой разрыв с ортодоксальным христианством.

торый охарактеризовал ее «как самую восхитительную женщину – с умственной точки зрения – когда-либо мне встречавшуюся». Тогда же стали ходить слухи о их предстоящей свадьбе, хотя, как известно из «Автобиографии» Спенсера, он никогда не помышлял о брачных узах. Мистер Буллит полагает, что в данном случае их союзу помешала ее «умственность», а также то, что Спенсер всегда был «чувствителен к женской красоте». Позднее он писал, что считает красоту условием *sine qua non*¹⁶, в чем он однажды «к сожалению убедился, хотя интеллектуальные и эмоциональные качества (женщины) были высочайшими».

Однако, по мнению Чарльза Брея, Джордж Элиот «не годилась для того, чтобы оставаться одной». Ей всегда был нужен некто, на кого она могла опереться и чтобы «этот некто принадлежал к более сильному (как считается) полу, а не к противоположному, более впечатлительному». Мистер Буллит также высказывается в подобном смысле: «ее сердцем, а также умом, когда она работала в «Вестминстер Ревью», распоряжался влюбчивый работодатель, который доводил ее до слез своими рассуждениями о «непостижимой тайне и колдовской сути красоты».

Но так случилось, что в том же году Герберт Спенсер, собираясь навестить Джордж Элиот, взял с собой в гости Джорджа Генри Льюиса, а до этого он как-то пояснил свое отношение к браку: «Не думаю, что самого большого счастья в

¹⁶ «Непреложным условием» (лат.).

любви можно достичь когда существуют законные супружеские узы. Причина в том, что мы никогда не можем о них забыть и это отражается на нашем поведении. Вот почему самое лучшее – на какое-то время выбросить из головы даже мысль о них. Это позволит супругам вести себя так, словно между ними никаких уз не существует».

Как же, наверное, странно было слышать из уст солидного, серьезного Спенсера это высказывание о браке, принадлежащее остроумному герою Конгрива Милламанту¹⁷. Повлияло ли мнение Спенсера на Джордж Элиот – неизвестно, однако, став в тридцать пять лет так называемой «миссис Льюис», она никогда не поощряла свободной любви и очень опасалась, как бы ее пример не оказался аргументом в пользу безбрачных любовных отношений.

В юности мне часто приходилось слышать о причине, в силу которой Джордж Элиот и Льюис не могли пожениться: из-за того, что он не мог получить развод со своей женой-пьяницей. Однако мистер Буллит в этой версии сомневается. Льюис, который, как нам известно, придерживался «либертианства», делил свой дом и свою жену с Торнтоном, сыном Ли Ханта. От Торнтонна у нее родилось двое детей. Доктрина, исповедуемая Льюисом и осуществленная им на практике, никому из них счастья не принесла, поэтому он был глубоко неудовлетворен жизнью и жаждал сочувствия.

«Он не понравился ей с первого взгляда» – пишет Буллит.

¹⁷ «*Mill*» от лат. «*millennial*», «тысячекратный»; «*amant*» – «любовник».

Льюис был очень некрасив и, по свидетельству Карлейля, напоминал «обезьяну». Прошло достаточно много времени, прежде чем Джордж Элиот стала отзываться о нем в письмах со все возрастающей теплотой: «это человек, обладающий и сердцем, и совестью, которые он скрывает под маской несерьезности». Через девятнадцать лет, уже после его смерти, она вернулась мысленно к тому, что называла «нашим благословенным союзом» и охарактеризовала его как «главное благодеяние жизни, сделавшее для меня возможным все».

Льюиса еще вспоминают как автора лучшей в Англии биографии Гёте, но самый важный вклад в литературу он сделал в тот день, когда убедил Мериэн Эванс попробовать свои силы в области художественной прозы. Кстати, то же самое и еще раньше ей советовал Герберт Спенсер. Мы узнаём, что и она сама, и давно, лелеяла «смутную мечту, как однажды вдруг сможет написать роман, но потом утратила эту надежду и все остальные на что-либо хорошее в будущем».

Тем не менее у нее не было оснований для пессимизма. Уже первая ее повесть, которая войдет в сборник «Сцены из жизни духовенства», была восторженно принята к публикации журналом «Блэквудс Мэгэзин», а после выхода в свет всего сборника она, можно сказать, проснулась на следующий день знаменитой, и Диккенс, который догадался, что автор – женщина, стал одним из самых рьяных ее литературных поклонников. О дальнейшем возрастании ее славы можно судить и по тому, что более поздний ее почитатель, лорд

¹⁸ *Эктон, Джон Эмерич Эдвард Дальберг* (1834–1902) – барон, литератор. Учился в Париже и Эдинбурге, изучал историю и литературоведение в Мюнхене. Член парламента от партии вигов; пропагандировал воссоединение христианских церквей в журнале «Отечественное и чужеземное обозрение», который пришлось закрыть из-за угрозы папского вето.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.